УДК 34

С.И.Митина

СОДЕРЖАНИЕ «ПРАВА ВОЙНЫ»: ОТ ГРЕЧЕСКОЙ КЛАССИКИ К ЭЛЛИНИЗМУ

Гуманитарный институт НовГУ, april5298@rambler.ru

The paper dwells upon the evolution and significance of «the law of war» in development of the set of legal principles and the norms regulating the relationships between the Hellenistic states in the course of military actions, which constituted a significant part of Ancient history.

Ключевые слова: «право войны», эллинизм, принципы и нормы регулирования отношений

Война с момента зарождения признаков человеческой цивилизации в природе своей отражала целую цепь стоявших перед обществом задач и проблем и выражала приемлемые для каждого конкретного исторического этапа пути и способы реализации конфликтных ситуаций. Отсюда столь значительное разнообразие видов войн, классифицируемых по критериям целей, причин, поводов, субъектам, территориальному фактору, результатам и т. д. Одной из важнейших задач, решавшихся на стадии формирования этнических общностей, являлась идентификация по признакам сравнения и выявления специфики собственной культуры и противопоставления таковой культуре других этнических групп, прежде всего — граничащих по расселению на территории. Именно на этой стадии для каждого этноса столь важна была способность успешно идти на конфронтацию с представителями другой культуры. Это давало чувство уверенности, сплачивало, служило в конечном итоге фактором формирования национальных признаков.

Для греков чувство национального единения отчетливо проявилось в классический период, когда после победы над персами, как выражается А.Джованнини, их культурное превосходство и политическая сила пошли в ногу [1]. Однако для греков ситуация резко изменилась в четвертом столетии, когда греческие государства оказались под властью Македонии. Даже дальнейшее греко-македонское завоевание Востока не следует рассматривать как победу эллинизма над варварами. Поскольку сами эллины потеряли свободу [2]. Если следовать доводам А.Джованнини, то следует признать утрату греками уже на тот момент их национальной идентичности. Однако тесное и не всегда добровольное «кооперирование» с другими народами не обязательно приводит к столь печальным последствиям. Для всемирной истории завоевание Востока Александром Македонским навсегда сохранило идентификацию как греко-македонское, что подчеркивает равенство участия двух народов в осуществлении одной из крупнейших военных *кампаний*.

Безусловно, греки, вынужденно встав под командование македонских командиров, понесли значительные потери с точки зрения чувства собственного достоинства. Таковое всегда выражалось в способности каждого эллина как члена коллектива равных граждан влиять на политическую жизнь и, как следствие, на ход развития истории. С другой стороны, они не остались безучастными к формированию общей военной стратегии, наоборот, свойственная греческому миру система взглядов на суть войны, ее законные цели и способы ведения оказалась востребованной эллинистической дипломатией и сохранила свое влияние на развитие политической и военной теории на протяжении всей истории эллинизма. Благодаря этому влиянию так называемое «право войны», известное как фактор развития человеческой цивилизации с самых ранних исторических этапов, приобрело действительно правовое содержание — в том смысле, в каком оно знакомо современным специалистам в области права вооруженных конфликтов.

«Право войны» как историческое и юридическое понятие, характеризует уровень становления и развития принципов и норм, регулировавших отношения античных государств и других субъектов международных отношений в период ведения военных действий. Являясь предтечей современного права вооруженных конфликтов, оно предусматривало механизмы запрещения и ограничения средств ведения войн и даже гуманизации их методов. Данное положение очевидно, поскольку с древнейших времен

война несмотря на ее негативную сущность в определенной мере стимулировала развитие права как института. Именно в ходе войны вырабатывались многие юридические понятия и принципы.

В современном понимании спектр правил, определяющих отношения между субъектами вооруженных конфликтов должен регламентировать порядок начала и прекращения состояния войн; пространственные ограничения ведения военных действий; статус отдельных категорий лиц; запрет или ограничение применения определенных видов оружия; ответственность за нарушение правил ведения войны, наказание военных преступлений.

Для историко-правовой науки представляет значительный интерес проследить последовательность формирования обозначенной выше системы институтов, выявить их исторические корни, определить момент складывания целостного механизма правового регулирования отношений между государствами в условиях многочисленных вооруженных конфликтов древности.

Ю.Я.Баскин и Д.И.Фельдман отмечают, что у греков уже к V-IV вв. до н. э. правила войны оказались весьма разработанными. Эпоха эллинизма с ее многочисленными войнами сформировала благодатную почву для их дальнейшего развития [3]. Уже к концу V в. до н. э., когда процесс смены обычного права на формализованные нормы заметно ускорился, это нашло отражение и в регулировании межгосударственных отношений, в том числе связанных с ведением войн, что стимулировалось многообразием создаваемых военных союзов, коалиций, государственных объединений.

Вполне логично, что все эти процессы нашли отражение в политических теориях историков, философов, ораторов, что, по мнению В.И.Исаевой, в своей совокупности показывает формирование отношения к межполисным войнам в сознании общества: «Войны, признанные их современниками одной из важнейших составных частей в жизни греческого общества, постепенно вошли в круг проблем, которые исследовала политическая мысль Эллады. Вооруженные столкновения приняли настолько острый и затяжной характер, что возникла настоятельная потребность описания и объяснения данного феномена» [4]. Таким образом, война уже к концу классического периода приобрела характер одного из определяющих факторов политического развития греческого общества.

В римской поздней анналистике представления о характере войн в принципе сходны с греческими. Луций Ампелий в ходе краткого исторического повествования констатирует, что существуют три рода войн: между народами, ведущиеся с чужеземцами, как у римлян с латинянами, афинян с лакедемонянами, рабская, которую римляне вели против беглых рабов, и гражданская, когда сражаются между собой Марий и Сулла, Цезарь и Помпей, Август и Антоний. А с македонянами римский народ вел три войны: при консуле Фламинине он победил царя Филиппа, при Павле — сына Филиппа Персея, при Метелле Македонском — Лже-Филиппа. Причина первой войны — жалобы греков на беззакония македонян, второй — нарушение Персеем условий мира, заключенного с его отцом, третьей — завладение лживым именем македонским престолом (Amp. 41; 44).

Вместе с тем значительное отличие римского восприятия природы войны от греческого очевидно. Тогда как римляне оправдывали законом свои войны и свои завоевания со всеми их последствиями, греки голосами своих поэтов, писателей и художников ясно выражали мнение, что массовые убийства и обращение побежденных в рабство не является корректным образом действия [5].

Что касается эллинизма, то он занимает особое место в истории развития права вооруженных конфликтов. С одной стороны, обозначился отход от практики публичной оценки конкретных фактов военных действий, столь свойственный классической античной демократии. С другой стороны, благодаря обилию войн достижения в области становления и развития системы признаваемых большинством эллинистических государств правил их ведения столь очевидны, что позволяют говорить об их непосредственном влиянии на дальнейшее развитие современного права.

Особенность эллинистических войн и их роль в процессе развития системы регулирования отношений в рамках эллинистической системы имеет ряд проявлений.

1. В эллинистический период война, пожалуй впервые, стала играть роль инструмента пропаганды и легитимизации прав на царскую власть. Такой оттенок был характерен уже для завоевательной политики Александра, широко декларировавшего лозунг «отмщения персам» в качестве предлога для покорения всей Азии. Последовавшие за этим военные экспедиции на Восток правивших в Сирии Селевка I и Антиоха III были направлены не только на решение таких утилитарных задач, как предотвращение роста сепаратистских тенденций. Оба предприятия представляли собой ведущие звенья пропагандистской кампании, нацеленной на доказательство права династии Селевкидов на власть и, собственно, на само существование. Недаром даже современные исследователи называют продолжавшийся семь лет Восточный поход Антиоха III экстраординарной пропагандистской кампанией. Сам факт сохранения контроля над богатыми сатрапиями Центральной Азии, караванными маршрутами, ведущими к золотым рудникам Сибири и Индии, наконец, сохранение незыблемым права господства над огромнейшими территориями вполне можно назвать, вслед за П.Грином, династической мечтой Селевкидов [6].

2. Обусловленность войн экономическими причинами в период эллинизма приобрела откровенно выраженный характер. Мало того, в ходе войн экономические рычаги воздействия зачастую являлись более эффективными, чем непосредственное ведение боевых действий. История Греции доказывала это неоднократно. Одним из наиболее близких к эллинистической эпохе является пример применения экономических санкций Афинами против Коринфа и его

союзников во время Пелопонесской войны (431 — 404 гг. до н. э.), что должно было парализовать их морскую торговлю. Аналогичные меры предпринял Филипп II против самих Афин в 340 — 329 гг. до н. э. Но при всем том Ф.Эдкок и Д.Мосли считают, что война в античную эпоху отнюдь не была ни прямым выражением экономического империализма, ни «коммерческим предприятием». И это понятно, поскольку основная часть граждан-избирателей все еще жила плодами сельскохозяйственной экономики низкого уровня [7]. Потому в общественном сознании война воспринималась чуть ли не как наиболее распространенный вариант межгосударственного «общения» [8].

Обнаруживаются непосредственные параллели между греческими формами государственной организации и организацией римской республики, для которой было характерным соединение понятий и политических структур республики и милитаризированного полиса. Такое положение подчеркивается тем, что политические права определялись соответственно военному распределению граждан [9]. Эллинистический полис еще сохранял черты архаичного военизированного гражданского коллектива. Мало того, все чаще войны определяются не межполисными противоречиями, а распространением экспансионистских настроений, стремлением расширить пределы ойкумены за счет территории варварских народов.

3. Война для эллинистической эпохи имела особое значение. Эллинизм как политическое явление есть порождение войны. Именно война являлась средством легитимизации основных политических институтов эллинистического общества. Само появление на политической карте эллинистических государств было обусловлено войной. На исторической фазе эллинизма война выступает как фактор исторического развития особенно ясно. Армия Александра играла решающую роль в образовании эллинистической государственной системы. Милитаризированная организация общества, устойчивая связь монархии с армией являют собой типичный феномен эпохи. Для периода эллинизма характерно изменение сущности армии. По сравнению с предыдущими периодами армии становятся высоко организованными, специализированными, профессиональными. Профессиональный воин, который продает свою службу как услугу, появляется в Греции уже в V в. до н. э., теперь сам солдат выбирает военного руководителя как работодателя [10].

Базовое значение войн для эллинистической эпохи проявляется в том, что теперь они охватывали огромные ареалы [11]. Последнее порождало заинтересованность множества государств, вольно или невольно включенных в конфликты, придерживаться более или менее единых правил ведения войны. Тем более, что эллинистические государства фактически все время своего существования пребывали в состоянии войн. Правда, остается не вполне ясным вопрос: была ли сама война общепризнанным во всем эллинистическом мире правовым институтом, как это фактически представляет себе С.Прайс и многие другие современные исследователи, ссылающиеся на достаточно часто упоминаемое в источниках «право войны»? [12]. В научном представлении «право войны» связывается с фактом признания воюющими сторонами необходимости подчиняться целому ряду законов и обычаев, которые предписывали, что дозволено и что запрещено воюющим сторонам [13].

М.Кэрри, П.Дюкре даже допускают существование некоего условно принятого «кодекса войны». Его нормы регулировали форму капитуляции, порядок выкупа пленных, запрет на убийство и продажу в рабство населения захваченных городов, предусматривали возможность получения городами иммунитета от грабежа или коммерческих репрессалий, право для побежденных хоронить своих погибших воинов, неприкосновенность культовых центров и лиц, выполняющих религиозные функции. Однако авторы признают, что основа данного кодекса скорее носила этико-религиозный характер, чем правовой. П.Дюкре усматривает его корни в самом греческом менталитете, для которого определяющим было внимание к религии [14].

Те же авторы признают, что данный «кодекс» нарушался. Например, Арад, захватив Мантинею, продал всех ее жителей в рабство. Однако такие случаи были исключениями. В целом же эллинистические войны были более гуманными в силу развития научной теории [15]. Однако вряд ли можно говорить о наличии в эллинистическую эпоху систематизированной теории «права войны». Правильнее подразумевать под этим «кодексом» накопленные за много веков обычаи, которые достаточно детально регулировали практику межполисного конфликта, а главное, его разрешения. Арад нарушил не право войны в целом, а лишь конкретный обычай, которым руководствовался определенный круг полисов. Факты военной истории не позволяют предполагать повсеместного действия данного обычая в отношении захваченных городов. Можно лишь с уверенностью утверждать об интенсивном «правовом строительстве» в данной сфере. Конкретные факты подтверждают связь древней традиции обычного права с новациями эллинистической эпохи.

4. Ничто так не стимулирует развитие правовых институтов как стремление весьма военизированного общества выжить и сохраниться, что возможно было лишь при достижении определенного паритета сил внутри эллинистической системы. Начальным звеном строительства единой системы регулирования мог стать лишь одинаково жизненно важный для всех государств эллинистической системы принцип баланса сил. Отсутствие в источниках соответствующего термина с юридическим содержанием отнюдь не отменяет факт влияния такового на практику взаимного общения эллинистических государств.

Даже находясь в состоянии войны, враждующие стороны как объективную необходимость воспринимали сохранение status quo в регионе. Отсюда нежелание доводить противника до полного поражения. Так, Птолемей IV после нанесения поражения Антиоху III при Рафии вовсе не намеревался доводить последнего до полного разгрома. В этом выражается одно из основных правил практики построения отношений между государствами внутри эллинистического сообщества: сохранять паритет сил ради стабильности всей системы [16].

Определенная заслуга в поддержании равновесия политических сил принадлежала малым и средним государствам, которые избрали в качестве политико-правовой базы своей внешней политики нейтралитет. В нем находило выражение стремление отдельных полисов избежать прямого или опосредованного подчинения более агрессивным и сильным соседям. Нейтралитет как политико-правовой институт также перекочевал в эллинистическую практику из античной классики. Стремление обеспечить себе нейтралитет диктовалось желанием добиться политической неприкосновенности и обеспечить беспрепятственную реализацию экономических целей. С одной стороны, это давало возможность государствам самосохраниться в условиях обострения противоречий и острых конфликтов между крупными державами, а с другой стороны, позволяло играть роль независимых арбитров и тем самым повышало их политический статус в эллинистическом мире. Так, анализ политики Родоса в условиях противостояния Селевкидов и Рима позволяет отметить, что островное государство до последнего старалось оставаться нейтральным в конфликте и даже прилагало усилия к сохранению паритета сил. Родосцы вышли из нейтралитета лишь в 191 г. до н. э., когда военное противостояние стало свершившимся фактом.

Главным средством обеспечения равновесия сил были межгосударственные договоры, начиная с заключенных диадохами в ходе раздела империи Александра Великого и заканчивая многочисленными договорами об оборонительных союзах, создававшихся на всех этапах истории эллинистического мира.

Таким образом, принцип баланса политических сил на всем протяжении истории эллинизма служил основным вектором правового регулирования, определяя его содержание и цели. В нем выразилось главное достижение политического и правового строительства античного общества, осознававшего жизненную потребность соотнесения интересов отдельных государств с интересами всего эллинистического сообщества, искавшего оптимальные варианты ограничения весьма частых военных конфликтов.

В эллинистическую эпоху война стимулировала создание и развитие совокупности правовых принципов и норм, регулирующих отношения внутри системы эллинистических государств в период ведения военных действий, которые характерны для подавляющей части истории эллинистического общества. Именно поэтому данные принципы были направлены на ограничение средств ведения войны, предусматривали определенную степень гуманизации методов ее ведения. Особенно были развиты нормы об ответственности за нарушение правил ведения войны, которые в виде «неписанного кодекса» признавались большинством эллинистических государств. Названные принципы и нормы, порожденные отнюдь не римской правовой практикой, а именно эллинистической, составили начальную базу современного права вооруженных конфликтов.

---

1. Giovannini A. Greek Cities and Greek Comonwealth // Images and ideologies: self-definition in the Hellenistic world / Anthony Bulloch et al. Berkeley ets., 1993. P.265.
2. Ibid. P.266.
3. Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М.: Междунар. отношения, 1990. С 22.
4. Исаева В.И. Принципы межполисных отношений конца V — середины IV в. до н.э. // Античная Греция: проблемы развития полиса / Под ред. Е.С.Голубцовой и др. М., 1983. Т.2. С.78-79.
5. Дюкре П. Война в общественной жизни Древней Греции // Античное общество: Проблемы политической истории: Сб. статей / Под ред. Э.Д.Фролова. СПб., 1997. С.237.
6. Green P. Alexander of Macedon 356 — 323 B.C. Berkeley ets., 1991. P.294.
7. Adcock F.E., Mosley D.J. Diplomacy in ancient Greece. L., 1975. P.136-137.
8. Исаева В.И. Указ. соч. С.84.
9. Maier F.G. Neque quies gentium sine armis: Krieg und Gesellschaft im Altertum. Opladen, 1987. S.20.
10. Ibid. S.18-19.
11. Факт влияния масштабности войн на развитие системы эллинистических государств подчеркивает С.Прайс. См.: Price S. The history of the Hellenistic period // The Oxford history of Greece and the Hellenistic World. Oxford; N.Y., 1991. P.375-376.
12. Ibid. P.376.
13. Дюкре П. Указ. соч. С.236.
14. Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B. C. L., 1932. P.241-242; Дюкре П. Указ. соч. С.236-237.
15. Cary M. Op. cit. P.242.
16. Heinen H. // CAH. 1984. Vol.7. P.437, 445.